

Саломатова Ольга Викторовна

НЕПРИДВОРНЫЕ ПРОПОВЕДИ АРСЕНИЯ МАЦЕЕВИЧА: ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ

В статье затронуты вопросы изучения непридворной проповеди Елизаветинского периода. Материалом исследования избрана рукописная тетрадь с проповедями архиепископа Арсения Мацеевича. В процессе работы с первоисточником уточняются хронологические рамки, анализируется тематика и композиционное оформление проповедей, а также грамматическая норма языка Арсения Мацеевича. Автором статьи делается вывод: рассмотренные проповеди архиепископа, имея отличительные особенности, вполне вписываются в общий контекст проповеднических произведений середины XVIII века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье затронуты вопросы изучения непридворной проповеди Елизаветинского периода. Материалом исследования избрана рукописная тетрадь с проповедями архиепископа Арсения Мацеевича. В процессе работы с первоисточником уточняются хронологические рамки, анализируется тематика и композиционное оформление проповедей, а также грамматическая норма языка Арсения Мацеевича. Автором статьи делается вывод: рассмотренные проповеди архиепископа, имея отличительные особенности, вполне вписываются в общий контекст проповеднических произведений середины XVIII века.

Ключевые слова и фразы: Арсений Мацеевич; Елизаветинская проповедь; непридворная проповедь; грамматическая норма языка XVIII века; история русской проповеди.

Саломатова Ольга Викторовна

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
k-ta@list.ru

**НЕПРИДВОРНЫЕ ПРОПОВЕДИ АРСЕНИЯ МАЦЕЕВИЧА:
ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ©**

Арсений Мацеевич (1697-1772 гг.) – один из известных и талантливых придворных проповедников эпохи Елизаветы Петровны.

Будучи иеромонахом, Арсений Мацеевич окончил в 1733 году Киевскую духовную академию. В 1734-1737 гг. участвовал в Камчатской экспедиции. В 1742 году был переведен на кафедру в Ростов и назначен членом Святейшего Синода.

Ко времени правления Елизаветы Петровны относится большинство придворных проповедей архиепископа Ростовского. Это период наивысшего расцвета публичной проповеди и период наиболее значимой ее роли в обществе. Придворная проповедь пережила пик популярности в начале царствования Елизаветы Петровны (1740-е гг.). К концу 40-х гг. число проповедников уменьшилось, выделились основные деятели, существенно сократилось и число произносимых проповедей. Непридворная, массовая проповедь, наоборот, постепенно входила в культуру [9, с. 6-7].

Надо сказать, что несколько придворных проповедей Арсения Мацеевича были изданы [1-6]. Помимо них, в рукописном собрании Свято-Троице Сергиевой Лавры сохранились сборники проповедей этого автора, переписанные от руки. Именно они, будучи редким для того времени образцом непридворной проповеди, представляются интересными для изучения.

Для исследования была взята тетрадь рукописи Арсения Мацеевича из собрания Российской государственной библиотеки (РГБ) 303. П ТСЛ 10.1. Это писарский список второй половины XIX века, тетрадь объемом 333 листа содержит 19 проповедей. На титульном листе указано, что в нее вошли произведения 1746-1761 гг., однако при анализе текста выяснилось, что среди датированных проповедей одна *говорена в монастыре святого Иакова в прошлом 1745 году ноября 27 дня* [7, л. 243], еще два произведения датируются 1746 годом [Там же, л. 127] и одна *говорена марта 22 дня 1747 года в воскресенье в церкви одитриевской* [Там же, л. 150], остальные тексты не датированы.

Проповеди в тетради не имеют названия, большинство из них начинаются цитатой из Евангелия или Апостола: *Стояху при кресте Иисусове матери Его, сестра матерее Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисусъ же видевъ матеръ, и ученика стояща, его же любящие, глагола матери своей: жено! Се сынъ твой. Потомъ же глагола ученику: се матери твоя. И отъ того часа поять ю ученикъ восвояси. Иоаннъ: глава 14* [Там же, л. 170]; *Да никто же васъ пресъститъ ни по единому образу, яко аще не придетъ отступление прежде и открыеться человекъ беззакония, сынъ погибели, противникъ, и превозносяйся паче всякого глаголемаго Бога, или чтилища; яко же ему сести вь церкви Божией аки Богу показующу себе яко Богъ есть. К Солуняномъ: 2: глава:2* [Там же, л. 75]. Но в сборнике есть одна проповедь, которая начинается с обширной цитаты из Минеи [Там же, л. 231].

По содержанию проповеди в большинстве своем представляют собрание цитат из различных поучений Святых Отцов (Иоанна Златоустого, Феофилакта Болгарского и др.) и отрывков из житий, переписанных из Минеи.

Цитаты автор вводит в повествование различным образом. Чаще всего встречается короткая отсылка к автору в начале и в конце цитаты: *На которыи слова Златоустъ святой таково полагаетъ разсуждение; До zde Златоустъ; Толкование блаженнаго Феофилакта; До zde Феофилактъ* [Там же, л. 75, 76, 49, 50].

Реже встречается длинное введение к цитате: *Разсудивше убо таковыи свойства и действия Духа Святаго на апостолахъ во время пятидесятницы явленный надлежитъ паки возвратитися до Свойства огненнаго для чего Духъ Святой во огненномъ видении сниде на апостолы толкователь на Григория Святаго Богослова на Святую пятидесятницу вкратце изъяснить* [Там же, л. 42].

Любую свою мысль автор подкрепляет цитатой из святых отцов или из Библии: *Таковыи огонь единою съ небесе на ветхозаконный жертвы сошедши съ великимъ речениемъ и со всякимъ прилежаниемъ ветхозаконный*

священницы хранили дабы отнюдь не угасалъ и не преводился по поведлению Божию въ техъ же книгахъ въ главе 6-й: а огонь у олтаря да горитъ на немъ и не угасаетъ, и да изжеть у него жрецъ дрова по вся утра, и да воскладеть нань, всесозжжение, и да возложитъ наня тукъ о мире, огонь же по вся часы да горитъ и не угасаетъ на олтари [Там же, л. 43].

Однако цитируются не только богословские источники. Так, рассуждая о подвиге святых страстотерпцев Бориса и Глеба, автор приводит цитату из некоего неуказанного источника, скорее всего, это Минея: *О начинанияхъ Святополковыхъ пишется тако: Святополкъ же седе въ Кieve на престоле отчемъ самовластно не ему бо Киевомъ владети по отцу подобаше и исполнися сердце его беззаконнаго властолюбия и каиновы злобныя зависти и глаголаше въ себе; погублю братию мою всю, и буду единовластитель въ Руси. О кончине его тако: егда къ вечеру Ярославъ одоле и сотре весма Святополчю силу, избежа Святополкъ съ малою дружиною отъ поля брани, и побеже въ лояхи. Нападе же въ пути нань бесъ отъ страха, и раслаби кости его, яко немощи седети ему на коне, но въ носиле несенъ бысть* [Там же, л. 50].

Крайне редко встречаются пересказы историй, в которых содержатся отсылка к действиям и мнениям античных деятелей: *Имеется повесть о Александре македонскомъ яко егда приступъ делалъ какому городу и воинствомъ своимъ кругомъ его обложишь тогда преболюшую свещу всему городу видимую зажигалъ и во осаде обретающимся всемъ объявлялъ яко аще добровольно ему здадутся и покорятся донеле же показанная свеща горитъ то всякую отъ него милость и свободу получать, после сгорения же свещи пусть никакая милости не надеются, такимъ примеромъ надлежитъ намъ разсуждати и о мысленномъ огне Духа Святаго* [Там же, л. 45-46]. Такие истории можно расценивать как наследие уже закончившегося к тому времени схоластического периода русской проповеди.

Таким образом, из-за обилия цитат, которые нередко занимают две-три рукописные страницы, собственно авторского текста в проповедях чрезвычайно мало – это характерная особенность непридворных проповедей архиепископа.

Однако все же можно предпринять попытку вычленил авторский текст и охарактеризовать грамматическую норму языка непридворных проповедей Арсения Мацевича.

Относительно особенностей языка проповедей середины XVIII века В. М. Живов писал: «Языком русской проповеди с 1730-х годов становится гибридный церковнославянский... во всех проповедях этого времени имеет место определенное смешение генетически русских и генетически церковнославянских элементов в области нейтрального для противопоставления книжного и некнижного языка признаков и в то же время употребление ряда маркированных церковнославянских элементов в качестве признаков книжности, определяющих принадлежность текста к сфере церковнославянского» [8, с. 383].

Е. И. Кислова отмечает, что одной из наиболее маркированных частей речи был глагол. Сопоставляя различные временные формы глаголов, маркированных как русские или церковнославянские, она приходит к выводу: проповедники сознательно использовали русизм или церковнославянизм как художественное или стилистическое средство, так как грамматики того времени отмечают маркированность некоторых глагольных форм (имперфекта, аориста, перфекта со связкой, плюсквамперфекта, форм будущего времени со связкой *хоуи* и *имамъ*) как не свойственных русскому языку. К наиболее важным элементам текста, определяющим его русское или церковнославянское оформление, исследователь относит: 1) форма на *-л* или аорист в качестве основной формы прошедшего времени и 2) инфинитив с безударным суффиксом *-тъ* или *-ти* [11, с. 36-39]. Надо отметить, что Е. И. Кислова использовала эти параметры при исследовании целого ряда текстов [10].

При анализе текстов рукописной тетради Арсения Мацевича выяснилось, что автор в собственной речи (цитаты не принимались в расчет) чаще использует церковнославянские формы инфинитива (148 единиц на *-ти* против 12 на *-тъ*): *ведати; назватися; иметь; зажигать; очищать; разсудити; разсмотрети; хранити; соблюдать* [7, л. 29, 12, 39, 43].

Формы прошедшего времени *вытолковалъ; показалъ; обогатилъ; пребывала; служила; работала* [Там же, л. 2, 3, 6]. Также зафиксировано 44 церковнославянские формы аориста и имперфекта: *даде; стяжаша; предрекохъ; отвергаху; приемляху; начаша* [Там же, л. 17, 29, 47, 63, 70].

Следовательно, процент русских форм составляет 7% и 86% соответственно, и грамматическая норма проповедей Арсения Мацевича вписывается в характерную для этого периода норму, связанную с преобладанием в текстах церковнославянских форм инфинитива и русских форм прошедшего времени.

В проповедях Арсения Мацевича встречаются случаи, когда имеет место соседство разных форм прошедшего времени в одном предложении, при этом автор намеренно употребляет церковнославянскую форму, так как хочет подчеркнуть оттенок значения: *Немощными стихами обряды и жертвы ветхозаконныя нарицаетъ потомъ яко не могли отъ греховъ очищати, худыя же потому яко благодати въ себе ко оставлению греховъ не имеша, и тако ветхозаконный священникъ не имель власти чрезъ жертвы и таинства преподавати благодать оставляти грехи и вводити во славу небесную* [Там же, л. 63]. Такие примеры фиксируются нечасто, однако являются весьма показательными для подтверждения тезиса о том, что в середине XVII века носителями языка осознавались различные оттенки, которые несут в себе формы прошедшего времени.

Кроме того, последний случай показывает: автор часто прибегал к церковнославянским союзным средствам, в частности к *яко*.

Следовательно, грамматическая норма языка Арсения Мацевича носит переходный характер, хотя, если рассматривать текст в целом, больше тяготеет к церковнославянской норме.

Теперь надо обратиться к композиционным особенностям произведений указанного сборника. Непридворные проповеди Арсения Мацевича не отличаются строгой композицией, в них едва ли можно выделить привычное пяти- или трехчастное членение.

Ниже рассмотрена первая проповедь из исследуемой тетради. Она посвящена празднику Крещения Господня и начинается с цитаты из Евангелия от Матфея, глава 3: *И крестився Иисусъ възиде абие отъ воды. И се отверзошася Ему небеса. И виде Духа Божия сходяща яко голубя, и грядуща на Него. И се гласъ съ небесе глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* [Там же, л. 2].

Далее следует цитата из толкования Феофилакта на приведенный евангельский отрывок, переписанная дословно с соблюдением норм церковнославянского языка: *Иисусъ възиде отъ воды, яко въ же и сниде. Небеса же Адамъ заключи, Христа же ради отверзаются; яко да увеси, яко егда и ты крещаешися, отверзеши небеса. Сниде же Духъ, да свидетельствуетъ, яко болии есть крещаяйся, нежели крещаяй* [Там же].

Потом имеется небольшая отрывок собственно авторского текста, где освещается проблема человеческого неверия и чуда: *Между прочими сердце лукаво во еже не веровати учениямъ и откровениямъ Божиимъ аще и чудеса свидетелствованнымъ не откуда инуду наипаче происходитъ якаже отъ слепаго и ожесточеннаго любительства къ веку настоящему къ богатству мамоне, си речъ имении стяжанию какъ то самъ Христосъ въ притчахъ своихъ 1) показалъ глаголя: другая же падоша въ тернии, и възиде терние, и подави ихъ* [Там же, л. 3].

Затем автор приводит цитату из минейного жития преподобномученицы Евдокии, которая будучи блудницей, обратилась ко Христу, раздав свое имение своим рабам: *О святой преподобномученице Евдокии въ житии ея пишется донележе была въ неверии и блудницею превеликими и неизреченными изобилвала богатствами и по увещанию Германа блаженнаго инока благочестиваго къ вере и покаянию обращаяся призвавши къ себе презвитера* [Там же].

Потом снова следует цитата из минейного жития святой Пелагеи, которая, обратившись ко Христу, видела в ночном видении дьявола, искушавшего ее, но не поддавшись его искушениям: *Подобное точно богатство и имение читаемъ въ житии преподобныя Пелагии, которую безъ меры былъ такожь дьяволь обогатилъ донележе въ неверии пребывала и блуду служила и работала. Егда же блаженнымъ Нономъ епископомъ Иллиномскимъ ко Христу обращена креститися отъ него во имя Отца и Сына и Святаго Духа* [Там же, л. 6].

Завершается проповедь словами святого Григория Никийского об архидиаконе Стефане: *Григорий святой Никийский въ слове своемъ о первомученике и архидиаконе Стефане... глаголетъ: вопрошаеши о духоборче аще Бога Отца слава явися и сынъ одесную стоящъ то где Духъ Святой? Воистину аще бы въ тебе Духъ Святой былъ, предложеннаго объ Немъ словесе не миновалъ бы еси, примеромъ сихъ иже съ слепотою одержимы злата предъ ногами лежащаго не видяще мимо ходятъ, обаче поне ныне слыши аще ущей не затыкаеши яко иудеи творяху какъ Стефаномъ вышинебесную славу виде кто ему небесныя отверзе* [Там же, л. 7].

Все эти цитаты призваны проиллюстрировать тезис Арсения Мацеевича о чуде, но непосредственного отношению к чуду крещения Господа, то есть к евангельской цитате, не имеют.

Подобную композицию, то есть просто набор различных цитат на определенную тему, имеют, пожалуй, все проповеди, кроме проповеди о назначении священства. Здесь автор много рассуждает на предмет ветхозаветного священства, образа Мелхиседека в Ветхом и Новом Завете. Его мысли несколько напоминают схоластические проповеди: *О Христовомъ же священстве четыре свойства надлежитъ разсуждать сходство бытии священникомъ понеже долгъ и чинъ священника въ четырехъ состоитъ, первое вещи божественныя людямъ преподавати, второе молитвы и обеты людския Богу приносити, третье Богу о людехъ дозветворити, четвертое людей съ Богомъ примирити. Сия же четыре долги и чины священническия безъ сумнения Христосъ исполнилъ и совершилъ понеже вещи Божественныя людямъ преподалъ* [Там же, л. 67]. Вся проповедь построена на раскрытии и объяснении указанных четырех свойств.

Стоит предположить, что исследуемая тетрадь представляет собой лишь некий «опорный конспект», черновик для проповеди, произносимой архиепископом с кафедры, а не дословная ее запись.

Таким образом, рассмотренные проповеди Арсения Мацеевича, имея отличительные особенности, вполне вписываются в общий контекст проповеднических произведений середины XVIII века. И, среди прочего, было бы полезно сравнить язык и композицию придворных и непридворных проповедей Арсения Мацеевича.

Список литературы

1. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день апостолов Петра и Павла. М.: Синодальная типография, 1742.
2. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день восшествия на престол Елисаветы Петровны. М.: Синодальная типография, 1744.
3. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день освящения церкви Николая Чудотворца, что в Новой Басманной. М.: Синодальная типография, 1742.
4. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день тезоименитства Елисаветы Петровны. М.: Синодальная типография, 1742.
5. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день тезоименитства Елисаветы Петровны. М.: Синодальная типография, 1749.
6. **Арсений (Мацеевич) митр.** Слово в день тезоименитства Петра Федоровича. М.: Синодальная типография, 1744.
7. **Арсений (Мацеевич) митр.** Собрание проповедей. Рукопись. РГБ. 303. II. ТСЛ. С. 10.1 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/303-ii/10-1?fnum=1> (дата обращения: 20.08.2014).
8. **Живов В. М.** Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
9. **Кислова Е. И.** Грамматическая норма языка проповеди Елизаветинского периода (1740-е гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 24 с.
10. **Кислова Е. И.** Проповеди Симона Тодоровского 1741-1747: развитие грамматической нормы [Электронный ресурс]. URL: <http://ekislova.ru/about/myworks> (дата обращения: 11.07.2014).
11. **Кислова Е. И.** Проповедь 1740-х годов в истории русского языка // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. С. 33-52.

NON-COURT SERMONS OF ARSENY MATSEYEVICH: LINGUISTIC ANALYSIS OF A MANUSCRIPT

Salomatova O'l'ga Viktorovna
St. Tikhon's Orthodox University
k-ta@list.ru

The article touches on the problems of studying the non-court sermon of Elizabethan period. The manuscript with the sermons of Archbishop Arseny Matseyevich served as a research material. Working with the original source the author clarifies chronological frames, analyzes the themes and compositional arrangement of sermons as well as the grammatical norm of Arseny Matseyevich's language. The author concludes that investigated sermons, having their own distinctive features, fit well into the overall context of homiletic works of the middle of the XVIII century.

Key words and phrases: Arseny Matseyevich; Elizabethan sermon; non-court sermon; grammatical norm of the language of the XVIII century; history of Russian sermon.

УДК 811.162.1

Филологические науки

Работа посвящена явлению номинализации, допускающему порождение синтаксически различных высказываний в русском и польском языках при их семантической тождественности. Рассматриваются категория польских девербативов и их функциональный эквивалент, приводящий к появлению инфинитива и/или ряда глаголов в личной форме при переводе конструкций на русский язык. Предлагается создание специализированного словника, который зафиксировал бы устойчивые сочетания глаголов с предлогами, требующих после себя номинализованного предиката в польском языке.

Ключевые слова и фразы: инфинитив; глагольное существительное; номинализация; номинализированный предикат; девербатив; сопоставительная грамматика славянских языков; русский язык; польский язык.

Самсонов Владимир Вячеславович

Московский государственный педагогический университет
w.samsonow@gmail.com

**ИНФИНИТИВ И НОМИНАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДИКАТЫ
В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ©**

Морфологические и синтаксические особенности форм глагольной транспозиции (т.е. формы глагола, употреблённые в позиции, характерной для другой части речи, которая всё же закрепляет за собой функцию глагола) являются одной из самых сложных проблем лингвистического анализа [7].

В. Г. Гак отмечает: «Номинализация процесса, т.е. обозначение его существительным, а не глаголом, широко используется в разных языках, выступая, однако, в каждом из них в специфических условиях» [2, с. 395].

Н. Д. Арутюнова, в свою очередь, обращает внимание на «функциональные различия конкретной и пропозитивной лексики, т.е. имён предикатов и обозначений событий. Между тем, эти различия в грамматиках не всегда фиксируются, поскольку они затемнены тем, что имена предметного и событийного значения могут занимать одни и те же позиции в поверхностной структуре предложения» [1, с. 160].

Это же явление является объектом описания в пособии по польскому языку Т. С. Тихомировой: «Глагольное имя следует отличать от омонимичных имён существительных на -nie, -cie, обладающих всеми свойствами существительных, а не глаголов» [8, с. 153].

Итак, в данной работе нас будет интересовать то, как два родственных языка (русский и польский), имея в своём распоряжении схожий набор морфологических единиц, допускают порождение синтаксически различных высказываний при их семантической эквивалентности, а иногда и абсолютной идентичности.

Некоторые русскоязычные грамматические очерки проливают свет на функционально-семантические типы эквивалентов номинализированных предикатов в русском и польском языках. Авторы учебника по польскому языку А. К. Киклевич и А. А. Кожина указывают на существование следующих конструкций с отглагольными существительными (девербативами): польскому девербативу в русском языке может соответствовать 1) инфинитив; 2) сложноподчинённое предложение со значением а) цели, б) времени, в) объекта; 3) деепричастные обороты; 4) эллипсис пропозиции [5, с. 203]. Отдельную группу составляют случаи, подразумевающие изменение структуры предложения и его лексического состава ввиду отсутствия точного структурного соответствия [Там же, с. 206]. Каждую из перечисленных групп авторы постарались подробно описать, впрочем, есть вещи, которые ускользнули от их внимания.